ЦЕНА 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

ЖУРНАЛ ТАПП. ■ ■ ■ Июль 1928 г. № 7 (20).

Неопубликованный портрет Н. Г. Чернышевского 50-х годов.

Фото-этюд.

ВЕЧЕР.

Лес. Дорога. Поле.
Тишина и гладь.
Экое раздолье,
Эка благодать!

Сонные березы,
Сонная река.
Сказочные грезы
Носят облака.

Сочные долины
Ветерок степной
Край ты мой родимый,
Край мой золотой.

А. Жуков.

Завод Дубна.

АЛЕКСИН — Фото-этюд.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

(24 июля 1828 — 24 июля 1928).

„Наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям, и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уж не будет тех, кто жил с нами". (Из письма Чернышевского жене, писанного в Петропавловской крепости).

НЫНЕШНИЙ год изумительно богат юбилеями. Недавно мы отмечали десятилетие со дня смерти Г. В. Плеханова, почти одновременно отмечались восемьдесят лет со дня смерти В. Г. Белинского, а 24 июля будем праздновать столетие со дня рождения Н. Г. Чернышевского.

Целая огромная полоса движения общественной мысли замкнутым кругом пройдет перед нашими глазами.

Начало этой полосы связано с именем великого критика и первого просветителя В. Г. Белинского. Конец—с именем первого русского марксиста и основоположника российской социал-демократии — Г. В. Плеханова. Посреди этих имен стоит великий русский ученый, как о нем отзывался Маркс, в предисловии к I тому „Капитала"—Н. Г. Чернышевский.

Юбилей Чернышевского совпадает чрезвычайно кстати с нашим временем. Больше, чем в какую-либо другую эпоху, нам нужны сейчас горячие, одаренные, с великой верой в силу научной мысли, просветители. Тем важнее сейчас воспроизвести перед собой «милый образ» Чернышевского.

Н. Г. Чернышевский родился 24 июля 1828 года в семье самарского протоиерея. По тогдашним временам его отец был далеко не заурядной фигурой — большой трудовик, человек с культурными интересами, он рано начал прививать сыну любовь к науке и труду. Результаты сказались очень скоро. Ко времени поступления в семинарию (а Чернышевский поступил в нее 16 лет, прямо в старший класс)., Николай Гаврилович поражал сверстников и учителей разносторонностью своих знаний и широкой начитанностью. Он знал до 7 старых и новых языков и еще учился у какого-то торговца апельсинами персидскому языку.

Ректор семинарии и преподаватели пророчили Н. Г., что он будет „отцом церкви" и сделает большую „духовную" карьеру. Чернышевский наотрез отказался от этих перспектив. В 18 лет он уже отбыл в университет, а в 22 года окончил его, написав замечательную диссертацию (ученую работу) „Об эстетических отношениях искусства к действительности". Первый ученый труд Н. Г. не открыл ему двери в храм официальной науки—тогдашние руководители университета уловили в диссертации Чернышевского много еретических ноток безбожного материализма и других ересей.

После недолгого учительствования в Петербурге, Н. Г. перешел весь целиком на литературную работу, вскоре встав во главе передового журнала тех лет—„Современник". За восемь лет он был главным руководителем, вдохновителем и лучшим публицистом журнала, заполнявшим в нем основные и самые ответственные отделы.

Последователь материалиста Фейербаха (предшественник Маркса в философии) и социалистов—утопистов (особо Фурье) Ник. Гавр. с огромной выдержанностью и блеском вел со страниц журнала проповедь материализма и социалистических революционных идей. Решительно никто не умел так проводить цензуру, как это делал Чернышевский Многие из его работ (указанная работа по искусству, единственная статья по философии, критические статьи и др.) до сих пор не потеряли своего значения. А в те поры они были единственными источниками, откуда черпалась революционная идеология тогдашней демократической и самой левой по своим убеждениям интеллигенцией.

Чернышевский одинаково жестоко бичевал в своих статьях и явных мракобесов-реакционеров и слабеньких половинчатых либералов.

Даже с Герценом он не мог найти общего языка.

Литературная деятельность Чернышевского не могла пройти ему даром. Не было никаких улик, но правительство, спровоцированное черносотенной публицистикой, решительно во всех революционных актах видело руку Ник. Гавр. В нем усматривали главу нигилистов, главного зачинщика всех революционных начинаний.

В 1862 году правительство закрыло „Современник", а вскоре был арестован и Чернышевский. Свыше полутора лет он просидел в Петропавловской крепости. В ход против него пускалась вся сложная система провокации, чтобы создать видимость каких-то улик, изобличающих Н. Г. Пускались подкупы, подделки и подлоги. Наконец, в 1864 году сенат вынес приговор по делу Ник. Гавр., а царь 7 апреля того же года приговор этот утвердил Приговор гласил заключить: Чернышевского на 7 лет на каторжные работы в рудники, а потом перевести на вечное поселение.

На рудниках, а потом на поселении в самом гиблом месте (Вимойск, Якутия), Чернышевский прожил, оторванный от мира, ровно 9 лет. Вернулся он уже разбитым, морально и физически.

В крепости Н. Г. написал свой знаменитый роман „Что делать", а в ссылке ряд других, но уже менее ценных работ.

Умер Н. Г. в 1889 г., умер тенью бывшего когда-то Чернышевского—„властителя дум" людей шестидесятых годов.

Мы чтим Чернышевского, как одного из первых русских социалистов, первого между ними, который пытался разработать (и во многом успел) научную систему социализма.

„Великий русский ученый" не будет забыт нами. В предстоящий юбилей мы особо ярко воспроизведем перед собой образ этого первомученика социалиста и последовательного до конца и в личной жизни, и в теории, революционера. **В-ч.**

Читайте у Чернышевского.

Статьи и работы, рассылаемые по 11 томам его полного собрания сочинений, издания 1918 г.

1. Эстетические отношения искусства и действительности.
2. Очерки гоголевского периода в русской литературе.
3. Антропологический принцип в философии.
4. Статьи по крестьянскому вопросу, особо знаменитую „Критику философских предубеждений против общины".
5. Русский человек на свидании (по поводу „Аси" Тургенева) и ряд других.

СОСТАРЕЛСЯ, обессилел отец, и Никите пришлось ехать в деревню и браться за плуг.

В городе Никита жил скупо, вина не пил, по стариковски крепко берег добытую трудом копейку, и эту его бережливость знали в деревне и говорили, что привез Никита из города деньжонок.

Слухи эти еще прочней утвердились, когда продал Никита старую, измотавшуюся в работе, ко всему на свете равнодушную, лошаденку и привел на двор крепконогого, темно-коричневой масти жеребца.

Был Никита в отца: высок, красив и крепок.

На правой руке было у него шесть пальцев, а это добрый знак, и потому, что имел он на руке шесть пальцев, считали его в деревне счастливым и завидовали старикам, Пахому с Лукерьей.

Снял Пахом старую рубаху, истлевшую от пота и грязи, белая, чистая на нем рубаха и не домотканные, в заплатах и дырах, а новые, городские штаны надел он.

Солнце греет Пахома ласковей, чем прежде, а белая рубаха тишиной и миром облекла его душу.

У избы сухо шелестит листьями старая береза, лежит улица в кудрявой траве, лежат за деревней широкие поля и не пот ли мужицкий утром и вечером падает на них росой?

Без малого семь десятков живет Пахом.

На этой улице рос он толстобрюхим, косолапым мальчишкой, вырос, в нужный срок женился, пил вино, был буен и горяч во хмелю, бил Лукерью, горбился от работы и вот—все, что полагается мужику, сделал Пахом на земле. Теперь работал Никита, а Пахом оставался дома, двигал валенками по избе, помогал Лукерье в бабьих делах, чистил картошку, рвал крапиву для поросенка, кормил цыплят.

Перед сенокосом он заскучал. Зудели плечи, хотелось встать до зари, тихими, предрассветными полями итти в лес и косить.

Пахом мямлил беззубым мягким ртом, тянул воздух носом и до сласти чудился ему росный дух лесного утра.

Пахом слазал на потолок, там, на балке, висели косы; он снял их, любовно вытер рубахой и вышел на улицу. Поставив косы у крыльца, сходил в чулан за молотком, а когда сел у крыльца отбивать косы, его увидал сосед Мирон.

— Хозяйствуешь, Пахом Лукич?

Какая-то насмешка послышалась Пахому в голосе Мирона; такой был голос у Мирона, каким разговаривают с детьми неразумными, да с самыми старыми стариками, которые ни на какую работу больше уже не годятся.

Пахома заскребла обида, но он сдержался.

— Надо... Косу вот отбивать надо. Пора. Он застучал молотком по косе.

Диковинным дятлом застучало в пруде под горой эхо, и Пахому весело было слушать эти бодрые, дренькающие звуки.

Но скоро налилась рука непомерной тяжестью.

Ударил Пахом еще раз, два...

Дрянь дело. Хоть брось.

Висит рука плетью.

Тогда заволоклись глаза пленкой, в сухих бороздах морщин росинками заблестели слезы.

«Вышел ты, Пахом Лукич, как есть в чистую отставку»— думал Пахом.

Он смотрел на родную улицу — старые избы смотрели на него, у изб—телеги, бревна, горшки на плетнях.

Бродят у изб куры, гуси.

Малолетние няньки забавляют сопливых ребяток — неразумнышей.

Сморгнул Пахом горькую слезу — есть еще ему дело на земле, теплое и ласковое утешение: «Внуков бы поняньчить, попестать»...

II.

Никита был трудолюбив.

Там, где надо быть двоим, он управлялся один, у него, как говорили в деревне, были «золотые руки».

В сенокосную пору он почти не спал, стараясь убрать сено «за погоду».

До скотины он вставал, запрягал лошадь и ехал в лес.

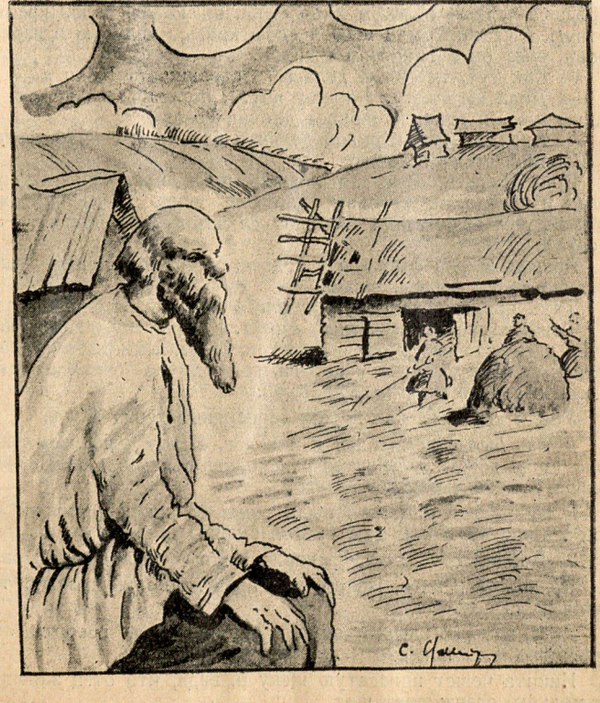
Вставал и Пахом. Покашливая и поеживаясь от утренней свежести, он стоял у двора и провожал взглядом громко тарахтеющую телегу.

Ему хотелось поехать с сыном, посмотреть, хороши ли хлеба, каков овес, каковы травы, хотелось ехать лесными дорогами на покос и там помочь сыну.

Но куда уж там! Растрясет дорогой—помрешь без покаяния.

И Пахом шел в избу и ложился на лавку, а когда высыхала роса, шел на лужайку ворошить сено.

На соседней лужайке ныряли, кувыркались в разметанном сене Мартыновы внуки, белоголовые, горластые мальчишки, и

„Внуков бы попестать, понянчить“.

Памяти отошедшего.

За смелость и вихорь
На сдачу герою—
Вихрастое лихо
С погибелью злою...
Из омута в пламя,
Из пламя под пули,
Не гнали нас,—сами
Мы шли и тонули.
Ни дома, ни ветви,
Пустынные дали.
Лишь пули, да ветер
Нас окликали.
Погибель не ищут,
Погибель готова.
И лучший из тысячи
Не высказал слова.
С предательской кисти
В здоровое тело
В томительном свисте
Пуля влетела.
Прошла. И на вылет
Опять засвистала.
Горячие были!
Их больше не стало...
Рыдая и нежась,
Любимые трубы
В пустую безбрежность
Трубили про убыль.

И. Стрелков.

Встреча на рабфаке.

(Посвящаю О. Бур-вой и Л. Энгель).

Встреча наша проста и случайна.
Я лежал, утопая в мечтах,
Ты вошла, и как будто нечаянно
Сердце вскрикнуло тихо «ах»

Новых стала искать ты встреч,
Порывалась поближе узнать.
И в разгаре рабфачьего вечера
Попросила стихи прочитать.

В этот вечер в рабфачьих стенах
Будто кто-то рассыпал смех...
Всюду радости брызги и пена
И невидно веселью помех.

Было как-то приятно и весело,
Несмотря на свой скромный наряд,
В человечьем, галдящем месиве
Взглядом встретить ласкающий взгляд

Будто кто-то невидимой нитью,
Нас обоих сердцами скрепил.
Потому то в туманном забытье
Несуразное ей говорил...

До утра в корридоре рабфака
Задушевный вели разговор;
За окном ночь дождем тихо плакала,
Но искрился в глазах задор.

Обещали друг друга помнить;
Чаще письма друг другу слать.
Дружбы тесно связавшую нить
Не давать никому порывать.

И до новой бодрящей встречи
Разошлись, чтоб сойтись опять...
Я люблю, как спускается вечер.
Про нее и рабфак вспоминать.

Там в большом и сыром общежитьи
Наклонилась над книгой она;
Море знаний легко ль переплыть ей
По могучим бурливым волнам?

На рабфак с молодежью заводов
Дерзновенно пришла от полей:
В жадных к знаньям, учебе взводах
Марса с физикой одолеть.

И легко ль ей простой крестьянке
Грызть зубами науки гранит?
Знает это Ильич, что в рамке
Над кроватью с улыбкой висит...

А. Веригин.

Вечерами.

Люблю сидеть и слушать вечерами,
Как в поздний час, печальна и тиха,
За темными, за сонными горами
Поет свирель ночного пастуха.
Не знаю я, о чем немым полям
Поет она так тихо, так глубоко,
О чем в степи по темным вечерам
Пастух тоскует одиноко.
Его стада, примкнувши к склону гор,
Покойно дремлют на траве росистой
И до лго я сижу, направив взор
Туда, к свирели голосистой.

В. Дубиллер.

Мартын, ровесник Пахома, злой и крикливый старик, кричал на них и называл их чертенятами.

И Пахом удивлялся, как может Мартын так ругать своих внуков.

Пахом качал головой.

— Мартын!—кричал он,—как у тебя язык-то не отсохнет на младенцев ты так... Как у тебя язык повертывается.

— Кнута на них нет!—криком отвечал Мартын.

Опять качал головой Пахом и брался за грабли.

И опять думал: мне б внуков поняньчить, попестать... поняньчить, попестать...

И когда приезжает с возом сена сын, Пахом улыбается широко, и улыбка не сходит с его морщинистого лица.

Он радостно и заискивающе как-то смотрит на загорелое, обросшее черным волосом лицо сына, на коричневую, крепкую, потную, в сенной пыли шею и свою кровь, хмельную и горячую кровь, чует он в Никитиных жилах.

— Как тут, тятенька, дела-то?—спрашивает Никита.

— Дела што же... Ворошу вот... Ворошу. Сваливают воз. Пахом мнет в руках и нюхает клочки сена:

— Ах, сено... С Кривой делянки больно духовито сено...

Солнце стоит в зените.

Пока Никита отпрягал лошадь, пока покурили, толкуя о делах и погоде, на деревню наплыла туча. Тогда прибежала из дома Лукерья, стали торопиться сгребать и таскать сено в сарай.

Лошадь жарко фыркала у телеги, торчмя ставила уши и, пугливо кося глазами, ржала.

Туча принесла широкую, душную тишину.

Тишина стояла несколько минут. И вдруг пузырями надул ветер распоясанные рубахи мужиков, огромными рыбами всплеснулись на ветру тополя у дороги, громыхнула сарайная дверь, в лоск легла конопля за лужайкой.

Упали крупные, как горох, серебряные зерна дождя.

Дождь был стремителен и недолог. И вот уже жемчужные полотнища дождя колышатся далеко над полями, и опять светит солнце, а небо украшено радугой.

В тончайшей небесной пыли тонет ее край, а другой спускается под прудом, и меж кустов бузины цветет сияние.

— Пойдемте обедать,—говорит Никита, выходя из сарая.

По дороге к избе, Пахом, припадая на больную ногу, торопится за сыном.

— Я, говорю, слышь, сынок, внуков, мол, говорю... поняньчить бы... попестать... Одно мне осталось.

Никита чешет волосатую щеку и, видя, что отец запыхался от ходьбы, сдерживает шаг.

— Погоди... Авось, попестаешь...

III.

Самыми богатыми невестами слыли в деревне дочери хуторского Макара Павлыча.

Никита был в городе, когда тарантас Макара Павлыча остановился у избы. Гривастая лошадь, тяжко фыркая, нетерпеливо била в землю копытом. Макар Павлыч, высокий, крепкий старик, в синей суконной поддевке, вылез из тарантаса и пошел к крыльцу, на котором сидел Пахом.

— Думаю, дай, заеду, проведаю старика,—заговорил Макар Павлыч,—сказывают хвораешь все...

„Наверно она слово знает. Иль порченый он. Не иначе".

БЕЛЕВСКАЯ ЛИТГРУППА „ОКТЯБРЕВИЧИ“.

Сидят: 1-й ряд (слева направо) Есипов, Власов, Иванов, Сурмелев А. Мурашина, Отеско. 2-й ряд Земсков, Лямин, Татаринов, Степина, Полехина.

ШИНЕЛЬ.

Мне сегодня вспомнилась гроза,
В воздухе—свистящая шрапнель,
Мой приятель—бывший партизан
Бережет тех дней шинель.
Помнит он, как добровольцем шел
Воевать с прохвостом-Колчаком.
Те бои он помнит хорошо,
Время их умчало далеко.
Та шинель подругою была,
Когда схватки были горячи.
За разведку вражьего узла
Получил тогда комроты чин.
Помнит он, как одевался ей,
Когда кровь из ран его текла.
А теперь дырявую шинель
Бережет как-будто ценный клад.
Вот теперь, при взгляде на шинель
Мой приятель просияет вмиг.
Для него она, как память славных дней...
Эх, шальные, боевые дни...

Земсков.

Он протянул Пахому руку—и, поздоровавшись, сел с ним рядом и стал говорить, что ездил в город, что жарко очень и совсем его разморило.

Сняв картуз, он вытирал лысый лоб красным платком.

— Сынка-то, иль нет дома?

И узнав, что Никита в городе, он пожалел, что не встретился с ним.

— С сыновьями-то хорошо,—говорил Макар Павлыч А у меня, вот, дочери... Замуж надо... Пристраивать надо... Беда... Нынче ведь как... За кого выдашь-то? Парни комсомолы все больше... Сегодня женился—завтра развод... Сунешь приданое-то коту под хвост... Беда... Сватается к старшей-то секретарь ваш, сельсоветский, да уж не знаю, как и быть... Пропьет, думаю, и жену-то...

Посидел Макар Павлыч минут десять и поднялся.

Тут заволновался Пахом:

— Да ты посиди... Чайку выкушай... Сейчас я Лукерье скажу Лукерь!—громко позвал Пахом.

Надвигая картуз на лоб, Макар Павлыч говорил:

— В другой раз... в другой раз как-нибудь... а пока желаем здравствовать. Никите Пахомычу почтение засвидетельствуй...

— Лукерь!—опять позвал Пахом.

Но когда выбежала на крыльцо Лукерья, тарантас Макара Павлыча пылил уже среди деревни.

В этот день вся деревня говорила, что недаром приезжал Макар Павлыч к Пахому и, гляди, «отхватит» теперь Никита самую богатую невесту.

— Да и то сказать,—толковали бабы,—за такого, как Никита, любую невесту дадут.

Пахом, хотя этих разговоров и не слышал, но думал: гляди, теперь судачат бабы... Вот, мол, счастье Пахому...

Пахом обдергивал рубашку, гладил бороду и гордо поглядывал на деревню.

«Гляди, приедет Макар Павлыч в другой раз,—думал Пахом... Обещал... Лучше мово Никиты ты не только у нас в деревне, в округе такой на редкость... То-то...

И Пахом не ошибся. Недели через две опять «по пути» заехал Макар Павлыч, пил в Пахомой избе чай, вел хозяйственные разговоры с Никитой.

А как сел в тарантас и взял вожжи в руки, покликал Пахома, и когда тот подошел к тарантасу, Макар Павлыч сказал тихо:

— Ежли што... надумаешь женить Никиту-то, присылай сватов... Не погнушаемся.

IV.

Ездил Никита хуторских невест смотреть

Ничего девки. Одеты по-модному, носики припудрены, беленькие.

Старшая на гитаре романсы может играть.

Хозяйство у Макара Павлыча крепкое, а работает батрачка Грипка.

Пахом с Лукерьей гадали: на которой-то Никитушка женится.

Лукерья говорила:

— Чай, приданое-то за обеими одинаково, только старшая-то будто покрасивше...

— Зато младшая телом добрей, мягше, говорил Пахом.

V.

Что Никита на хуторской невесте женится, вся деревня говорила, потому-что нередко по праздникам стал бывать Никита на хуторе.

И так прошли лето и осень, управились в деревне с работой и настала веселая пора свадеб.

— Ну, тятенька, готовься к свадьбе,—обрадовал отца Никита.

Расстрогались радостно старики и сквозь слезы стали укорять сына:

— Што, сынок, молчал ты все... Которую невесту берешь, не сказываешь... Нешто так делают...

— Невеста самая богатая... Приданое за ней самое дорогое—«руки золотые».

Когда Никита расписался в Совете с работницей Макара Павлыча—Грипкой, долго в недоуменьи качали головами бабы.

Бабка Андрониха уверяла баб, что Грипка «слово знает» и околдовала она этим словом Никиту.

— А можа он порченный, Никита-то... Не иначе.

Приуныли Пахом с Лукерьей.

А Никита был радостен и утешал стариков.

— А вы того... Богаче Грипки не найти невесты... Она у Макара Павлыча за троих справлялась с работой.

Пахом смотрел на круглые Грипкины плечи, на полную и крепкую грудь, заглянул ей в синие, затуманенные счастьем глаза и погрозил ей пальцем:

— Ну, бабынька, смотри... Штоб внуков мне принести... Смотри.

Стал Пахом ждать внуков.

Солнце в глаза

РАССКАЗ С. КОРНЕВА. РИСУНКИ В. ГИЛЬБЕРТА.

В любви, в чувствах Михаила Ивановича было что-то прожорливое, утиное. И всю жизнь. Пока помнит себя Михаил Иванович. Вот говорили доживет до зрелости, будет умнее. Не тут-то было. Наоборот. Дальше все шло странней, чудней и непонятней.

Знал Михаил Иванович Марусю Петровну с самого детства видел изо дня в день. И вдруг—перебой. Резкий, требовательный, тяжелый и, наконец, мучительный.

И ничего Михаил Иванович не поймет.

Глядит и думает жизнь прожил, не замечал, не думал, и не хотел думать, и вдруг, где-то заныло, зашумело.

Пришла любовь.

Думает Михаил Иванович и все об одном. Каждую свободную и несвободную минуту голова сковывается мыслью:

О Марусе Петровне.

Были обычные улицы, переулки, площадь, небо, звезды и ее рука. Забытым светом вспыхнули глаза Михаила Ивановича.. Смешно так заребячилось его уже морщинистое лицо.

Потом начались «америки». Он как-то вдруг увидел у Маруси Петровны маленькие туфли, шаг у Маруси Петровны стал особенный, непохожий.

Джаз-банд пяти машинок на службе напоминает Михаилу Ивановичу ему одному понятную, золотоколосую музыку полевых и горных кузнечиков.

Перед Михаилом Ивановичем в иссиня-белых снеговых горизонтах горы с пахучими, высокими травами, с дурманящими левкоями вершин.

Я буду радоваться твоему успеху.

Июльское солнце, июльский день. Хорошо в этот день побродить в горах. Согреть где-нибудь у ручья на костре чай, взглянуть друг другу в большие, большие глаза, полные огненных дум.

И за один день чего не переживет Михаил Иванович, чего не передумает.

Потом идет ночь, тихая, мещанская. Горит лампочка. Тикают часы. Каждая секунда идет и умирает зря в думах пустых и может быть глупых.

Михаил Иванович без конца повторяет: «Она не пришла».

Но на этот раз он глубоко чувствует эту обычную, мещанскую фразу. Он сидит и смотрит на фотографическую карточку Маруси Петровны—до света.

Знает ли она, что он ее любит? Конечно, нет.

И это хорошо.

С закрытыми глазами идет он во хмельной путанице все дальше и дальше. С переполненным сердцем глядит на небо, на луну и звезды.

И пишет стихи.

Вчера, он не помнит как, но рука Маруси Петровны, и не рука, а только рукав—задержался на несколько секунд в его руке и ее глаза вспыхнули близкой, родной, понятной, безумной дорогой искоркой.

У Михаил Ивановича своя теория: он не верит в истинную любовь без ответа, без взаимности. По его теории нельзя полюбить человека, который не любит, не отвечает, не сочувствует Он еще уверен в том, что истинно-влюбленные должны физически походить друг на друга.

И вот, наблюдая и за Марусей Петровной, изучая и ее, он говорит:

— Я прав.

Когда Михаил Иванович об'ясняется в любви, рассудок у него обычно ясный и точный.

По туго-натянутым струнам души Маруси Петровны бегут слова,—холодные пальцы. Но чутки влюбленные бывают только в книгах.

На экране—любовь.

И в душе—любовь.

Михаил Иванович говорит, что кино городскому жителю заменяет лес, цветы.

Темно, а он видит, как под шелковистой кожей бьется пульс Маруси Петровны. Он чувствует, как дышит ее грудь, как вместе с глазами на полотно экрана тянутся и ее губы. Ему кажется, что они понимают, думают и знают б льше ее глаз.

И в течение не минуты, не двух минут, а целого часа, двух часов глядит Михаил Иванович в упор на Марусю Петровну, на расстоянии одного десятка сантиметров, почти чувствуя температуру тела.

Солнце мое!

От всей души я творю тебя из красивых созвучий мук своих.

Солнце мое!

Почему так цветут цветы в саду души моей? Почему с каждым днем безумство растет, раздвигая пределы, делая смешным и жалким все, что казалось великим?

Солнце мое!

Я счастлив в муках своих, и ты милостиво даришь мне их. Я иду за тобой и целую следы опущенных глаз твоих на пыльной дороге Уста мои немы, когда шепчут имя твое—образ солнечный.

Солнце мое!

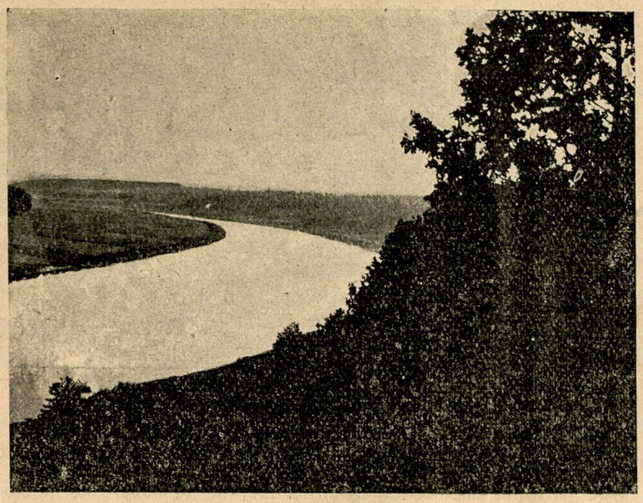
Прекрасно ты в небе, но мысли немеют от ужаса, если ты будешь на земле.

Кровью вен своих я охлаждаю гарь великую души, затравленной ядом солнечным.

Солнце мое!

Улыбнешься ты над бредом шута, но ведь и цель моя веселить тебя, радовать да в пояс кланяться.

АЛЕКСИН.

Ока.

Комсомольский лагерь.

10 правил купанья.

Врач А. Г. Каган, в книге «Рабочая молодежь на отдыхе», считает основными следующие десять правил купанья:

1. Купаться натощак может только здоровый, слабый же, за час до купанья, должен легко позавтракать.

2. После большой еды можно купаться спустя час—полтора.

3. Перед погружением в воду—выждать несколько минут (пока не испарится пот).

4. Бросаться в воду надо сразу.

5. Находясь в воде, производить больше движений (плавать).

6. Оставаться в воде до ощущения теплоты во всем теле (но не более 10—15, максимум 20 минут). Более продолжительное пребывание в воде вызовет так называемый «вторичный озноб», посинение кожи и последующую головную боль и слабость.

7. Лучше купаться после приема солнечных ванн (а не наоборот).

8. После купанья полезно отдохнуть в тени или же медленно прогуливаться.

9. Купаться не более двух раз в день с промежутками не менее четырех часов между одним и другим купаньем.

10. При падении в весе, слабости, головокружениях и плохом самочувствии вообще, купанья прекратить и обратиться к врачу.

* * *

Хорошо на нашем свете
Слушать вешний дождь
Синь тепла, и ветер, ветер
Золотую пенит рожь.
О, как милы эти хаты,
Край заросший в лопухи,
Где под тихий звон заката
Я читал полям стихи.
Вот бежит овсом вихрастым
Теплый, резвый ветерок.
«И с березки голенастой
Рвет зелененький платок» *).

С. Володин.

*) Из стихов Семеновского.

Кто знает, как бы Михаил Иванович справился с охватившим его чувством, если бы он не находил в весну весенних слов.

А какие есть хорошие слова! Как они верно передают мятущиеся чувства!

И вот, как иступленный язычник, Михаил Иванович поет ей—источнику жизни, мук и радости, эту песню, этот гимн любви, запечатывает его в конверт и пишет:

Марусе Петровне.

Михаил Иванович думает и передумывает все то, что случилось. Думает и спрашивает себя: неужели все это случилось с ним и относится к ней.

Он в постели. Она сидит рядом и снимает с ноги чулок. Нога у ней крепкая, и слегка волосатая, как у мужчины. Она стремительно бросается к нему на шею и душит.

Да, да, это она Маруся Петровна, недосягаемая любовь, солнце и прочее. Ему кажется, что ей век, а может быть два века. От ее любви и ласк на Михаила Ивановича веет чем-то отжившим, могильным, землей.

Она говорит:

— Я безумно люблю и любила тебя с первого взгляда. Ты не ошибся. Ты говорил, что ты покончишь с собой. Ты даже пытался это сделать.

Маруся Петровна не хочет смущать Михаила Ивановича и при этих словах опускает глаза, а если бы она взглянула прямо, то увидела бы, что по бледному лицу Михаила Ивановича скользнула улыбка.

Она говорит:

— И только тогда я решила сказать тебе. Но я не сказала тогда все, несмотря на то, что должна была. Я никого никогда не любила. Ты первый и я не нашла в себе сил сказать тебе все, до конца. И стала твоей. Я не боялась, что ты уйдешь, нет, я верила тебе. Но я не хотела ничем отравлять наших первых ласк. И я не сказала, что больна. Но ты родной мой, хороший, добрый простил, забыл. Ты великий, необыкновенный. Ты скоро встанешь, ты будешь здоров. Я отдам тебе всю свою жизнь, всю себя на твое любимое дело—искусство. Ты будешь творить и я буду радоваться твоему успеху.

И до боли стискивает Михаила Ивановича своими крепкими сильными руками.

Но Михаилу Ивановичу совершенно это не нужно. Он не может только уяснить себе, как это она Маруся Петровна, его солнце, радость, лучшее, что он знал и больна... сифилисом. И больна три года, хотя ей всего 20 лет.

Михаилу Ивановичу очень нехватает здоровья, но ему уже вполне достаточно лет. Он уже не только поэт, но и философ. Он как бы с иронией непонятого величия думает злым парадоксом: если приглядеться к человеческой жизни, то над одним и тем же явлением можно и плакать, и можно смеяться. Человек в отличие от всех животных имеет на лице улыбку и болеет сифилисом.

Сифилис всем кажется чуть ли не самой тяжелой болезнью. Во всяком случае хуже туберкулеза. А это не верно. Он болен и тем и другим—сифилисом с университетской скамьи,—но страдает, как и всегда, и сейчас больше от туберкулеза.

У Маруси Петровны нет туберкулеза—она цветущая, бесконечно веселая, радостная, работоспособная. И ни на что не жалуется. А у него болит грудь, идет горлом кровь, и Маруся Петровна говорит, что он... светится.

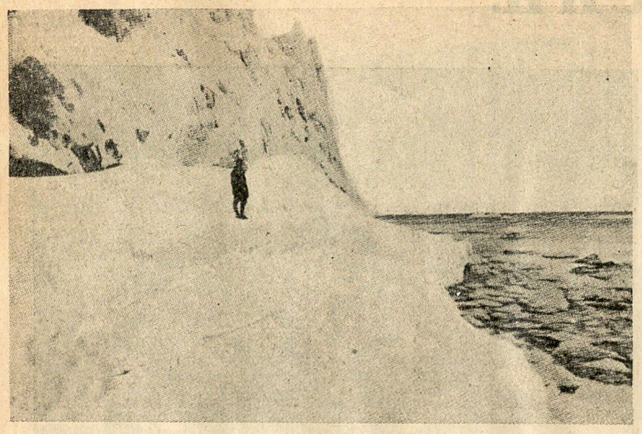
Но она его любит. Может быть за то, что он так просто,—Михаил Иванович в усы уронил смешинку—простил ей ее «ужасную» болезнь. Она говорит: «Михаил Иванович необыкновенный»—это хорошо.

Михаил Иванович давно не испытывал такой бесконечно нежной заботливости. Он даже счастлив. И все, что он хочет сейчас—это жить. Но доктор говорит, что он очень серьезно болен. И сам Михаил Иванович это чувствует. Он чувствует даже, что может определить насколько ему хватит жизни. А это чувство у человека, говорят, бывает ближе к смерти.

И Михаил Иванович любит Марусю Петровну.

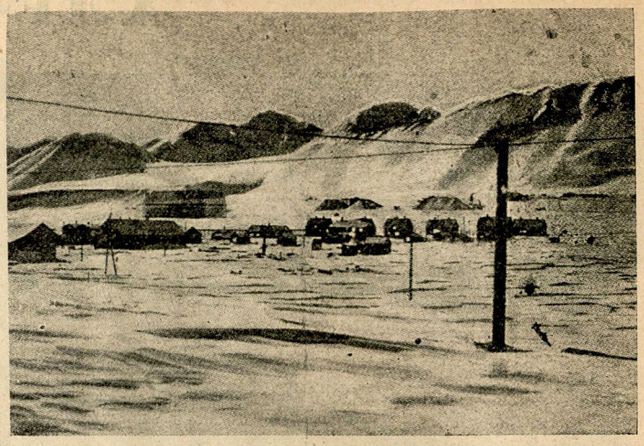
А сколько тяжелых минут пережила Маруся Петровна, наблюдая страдания Михаила Ивановича. Они росли быстро, по часам. И Михаил Иванович уходил. Он убежден, он говорит ей и доктору, что не справляется с туберкулезом, а у него паралич.

— Милый, добрый, необыкновенный, Михаил Иванович!

Весна на Свальбарде.

(Из альбома северной экспедиции Амундсена).

Белая ночь в Кингс-Бэе. На заднем плане ангар.

(Из альбома северной экспедиции Амундсена).

Он, конечно, говорит это ей потому, что не хочет, не может огорчить ее и это еще более заставляет страдать Марусю Петровну,

Марусе Петровне тяжело, страшно тяжело; и не с кем поделиться. Она одна. Кому нужны они такие.. Только белые, в холодных халатах доктора терпеливо и внимательно слушают.

И Маруся Петровна говорит доктору о своей болезни, о добром Михаиле Ивановиче, которого она... заразила и который теперь от нее—от нее!—умирает.

— Любимый!

Но на Марусю Петровну очень долго и очень странно почему-то смотрит доктор и говорит:

— Вы устали. Вам нужно отдохнуть.

И Маруся Петровна почему-то чувствует, что она устала и что ей действительно надо отдохнуть, так как глаза доктора слишком внимательны, а от его слов у нее холодеют кончики пальцев.

Доктор говорит—что доктор говорит!—Он говорит о Михаиле Ивановиче, о его болезни, которой он болен столько лет, сколько всего лет самой Марусе Петровне!..

И ясно,—ясно!—совершенно ясно, что Маруся Петровна напрасно думает, что она заразила Михаила Ивановича—она ни при чем.

Да, ни при чем. В болезни Михаила Ивановича она не виновата.

Но в груди Маруси Петровны от этого нет радости. В груди очень неровно бьется сердце, и маленькими лепестками на тихом ветерке дрожат ее губы:

— Почему... почему, доктор... милый .. Почему это так.. Ведь это... Это больнее, доктор!...

Но доктор не понимает.

И Маруся Петровна чувствует такую нестерпимую боль, что становится маленькой, маленькой и не может справиться с болью в груди, со слезами на глазах.

Ведь были: солнце, правда, любовь...

И—ложь. Жестокая, голая, первая, во весь мир, во всю жизнь Маруси Петровны.

А доктору, как всегда, некогда. Ему не до любви, не до солнечной иллюзии. Он торопливо дает Марусе Петровне валериановых капель, бросает последний взгляд на Михаила Ивановича, трогает еще раз его пульс, надевает шляпу, неловко жмет руку Марусе Петровне.

И закрывает дверь.

У Михаила Ивановича совсем мутные глаза. Он не двигает уже и правой рукой. Не говорит и едва ли что понимает. И вместе с тем, как глубока и как странно правдива печаль на лице Михаила Ивановича!

И Маруся Петровна не верит доктору:

Солнышко у ней было!

Глаза Михаила Ивановича на Марусе Петровне.

— Ну, конечно, было. Михаил Иванович честный, необыкновенный человек. Разве она его не знает? Он любил ее. Да, любил. Солнечно, бескорыстно, сильно любил...

И простил.

— Милый, добрый, необыкновенный Михаил Иванович!

И Маруся Петровна берет и долго целует его тяжелую голову.

— А доктор сказал:..

И Маруся Петровна смеется.

— Доктор сказал...

Смешно, смешно, смешно!

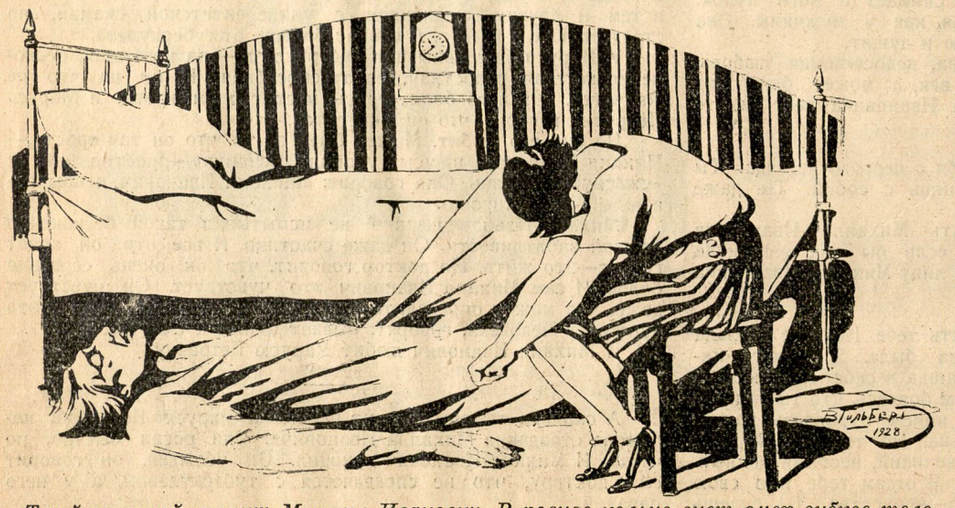
И Маруся Петровна смеется. Может быть первый раз в жизни и так много.

Голова Михаила Ивановича с дергающегося плеча сперва упала к ней на колени, потом спустилась ниже. Потом Михаил Иванович весь сунулся с постели на пол.

Прямой, тугой струной лежит Михаил Иванович. В ровное кольцо гнет смех гибкое тело Маруси Петровны.

Из окна июльское солнце льет в комнату утренние, ультрафиолетовые лучи.

Бездонное, прожорливое, утиное в чувствах закончилось.

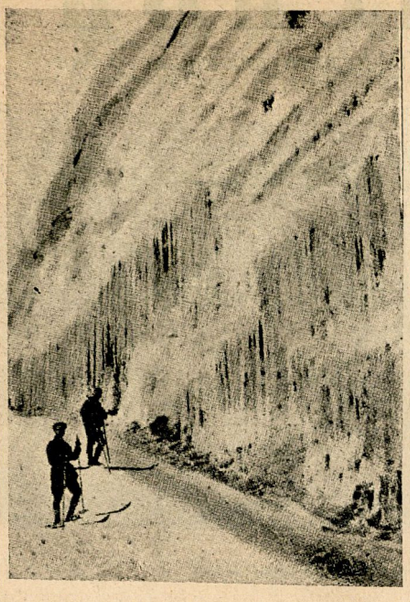
Тугой струной лежит Михаил Иванович. В ровное кольцо гнет смех гибкое тело Маруси Петровны.

День.

Что такое, ребята, день?
День есть: время с солнцем.
Просто солнце полопало тень
И в победе блистает червонцем.
А лучи, точно связка спиц,—
Яркой радугой все они блещут.
Есть у солнца не мало девиц—
Все поют за работой, щебечут.
Вот и мы бы должны все вот так
Вывесть пятна, счистить грязь старины,
А потом бы жить в счастьи, в лазурных цветах,
Без раздоров, без дрязг, без войны.
Октября очищающим жаром
Старь расплавлена будто чугун.
Сгинь проклятая память о старом,
Бившем нас, как полено колун!

С. Бурлаков.

Фабрика «Феникс».

Ледяные горы.

(Из альбома северной экспедиции Амундсена).

Колхоз.

Там, где когда-то, когда-то
Колючий репейник рос,
Теперь не деревня, не хаты,
А новый
Советский колхоз.
Ах, клены, зубчатые клены,
Не раз в кутерьме городской
О вас, о зеленых, влюбленных,
Сердце сочилось тоской.
Хотелось в широкие долы,
Хотелось в ржаные поля,—
Упиться работой тяжелой
Под взмахи крюка-мотыля.
Хотелось с зубастой косилкой
Пройтись по отволглой траве
И мысли задорной и пылкой
Костер развести в голове.
Ах, город, асфальтовый город,
Ты,—знаю,—всему голова,
Но мне непонятно одно вот:
Зачем ты меня приковал?
Ах, нет... Ну, какой я невольник?
Чего мне кривляться и лгать?
Я снова увижу и поле
И с сеном душистым луга.
Я, правда, не буду в деревне.
В избенок промозглую муть
Дорогой отцовскою древней
Мне вряд ли придется шагнуть.
Не мне, знать, вести в одиночку
Мужичье хозяйство в селе,
С тупою покорностью прочить
Трехполку на новой земле...
Любя голубые приволья,
Цвет яблонь молочных в саду,
Я только приду к многополью,
С любимой в колхоз я приду.
Под песню крылатую жатки,
Срывая предсмертную дрожь,
Певучий, как жатка, крылатый
Я буду подрезывать рожь.
И там, где когда-то, когда-то
Репейник колючий рос,
Я петь уж не буду про хаты,
А песню сложу про колхоз.

А. Медведев.

Станция в глуши.

Глушь... Поля... А в поле станция.
Грусть разлита по углам.
Мы уедем,—им останется
Снова выйти к поездам.
Рыжеватыми отливами
Окаймил поля закат.
Пробежала к водоливам
Стайка шумная ребят.
Вечереет. Стынут сумерки
Я гляжу на циферблат;
Здесь покойник с грусти умер бы,
Я-ж скорей уехать рад.

* * *

Замелькали вдаль тревожно
Блики мутные огней...
Вы скажите, разве можно
Не видать живых людей?

* * *

Разговор плету лениво:
Вы куда? К себе? Домой?
Ухмыльнусь от скуки криво,
Покачаю головой.

* * *

Глушь... Поля... А в поле станция.
Грусть разлита по углам...
Мы уедем,—им останется
Снова выйти к поездам.

Власов.

Амундсен—руководитель северной экспедиции в 1925 году, ныне уехавший на помощь экспедиции Нобиле и пропавший без вести.

Из поэмы „Восстание".

Могилой застыла тюрьма,
Неслышно ночь ставила ноги.
Легла златоокая тьма
На серой шоссейной дороге.
Сердца палачей разбудить не вольны
Ни крики проклятий,
Ни песни весны.
Во мгле затаились пути
И путнику к сердцу—тяжесть.
Китайцу—
Куда итти?
Китайцу о том не расскажешь...
Но правда у всех одна,
Кто больше не гнет колена.
— Тюрьма?
Так пускай тюрьма!
Зовите
Скорей
Полисмена!
Ведь путь лишь один только есть:
— Надежда. Восстание. Месть.
— Снимай!
— Надоела сума!
— Паяйте и руки и ноги!
. . . . . .
Взревела
И ухнула тьма
На серой шоссейной дороге.
Из фанз выходили так просто.
Махнувши рукою в окно—
Ушли по лазурному мосту
Грохочущим ритмом ног.
. . . . . .
— Где твой отец?
— Мой отец ушел.
— Где твои братья?
— Погибли от ран...
Льется зари потухающий шелк
На фанзу, разрушенную англичанами.
Пусть фанзы разрушены,
Смяты поля,
Но будет иною, иною земля!

И. Костин.

Комсомольский лагерь в Алексине.

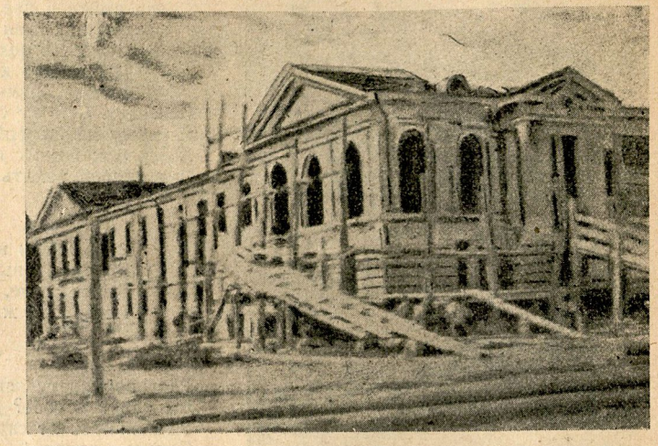
На отдыхе.

В ЯСНОЙ

(К 100-летней годовщине со дня

«Ясная Поляна».

Больница.

ЕЩЕ поворот—и дорога лентой скатывается по бугру вниз. С холма, что напротив, глядят белые дома усадьбы, наполовину затопленные волнами зелени.

У дороги подымаются колонны, источенные многими ветрами и покрытые мохом. В упор им бьет с поля широкий, несущий запах гречихи, ветер летнего полдня. Где-то недалеко тихо и монотонно звенит ключ.

Эти колонны—вход в усадьбу Толстого. Широкая, ухабистая дорога уводит в парк.

Сквозной аркой нависают над дорогой раскидистые ветви деревьев; солнце, пробившись сквозь листву, золотой чешуей рябит под ногами...

Готовимся к юбилею.

По желтым скрипящим ступенькам подымаюсь на второй этаж к дочери Л. Н.—Александре Львовне, хранительнице имения.

Стучу.

Дверь распахивается. На пороге—высокая, полная женщина.

— Мне Александру Львовну...

— Я и есть. Входите!

В маленькой комнате с окнами над парком беседуем о подготовке к юбилею Льва Николаевича.

— Вопрос о подготовке,—рассказывает А. Л.,— упирается в средства. Смета сейчас находится на утверждении Совнаркома. Я имею сведения, что на это дело будет отпущено 250.000р. Получила деньги на ремонт зданий имения. Ремонт начался... Что мы думаем сделать к юбилею Льва Николаевича? Во-первых,—достроить школу его имени. Недавно у нас в ней был первый выпуск, но школа требует дальнейшего дооборудования... Второе: имеется соглашение с Наркомпросом и Губоно провести по постановлению юбилейного комитета всеобщее обучение в деревнях. Дальше строим общежитие для педагогов, для того, чтоб окончательно очистить помещение музея. Приехавший из Москвы скульптор начал работу над статуей Льва Николаевича.

В музее

будут открыты три новые комнаты для посещения: 1) комната для приезжающих,—в 70-х годах в ней был кабинет Л. Н.; в ней стоял гроб с его телом, когда его привезли из Остапова; 2) комната под сводами,— кабинет Л. Н. в 60-х годах, в котором он писал «Войну и мир»; 3) комната врача Маковицкого, жившего при Льве Николаевиче в его последние годы.

Сотрудниками Главнауки проводится перереставрация (восстановление) всех комнат музея.

Во флигеле предполагаем создать дополнительный музей. Он особо должен будет давать сведения о Л. Н. в период его педагогической деятельности в 60-х годах.

Сейчас заканчивается каталогизация библиотеки. Вот, вкратце, все...

...Выхожу.

Где-то в вышине плывет ветер; верхушки деревьев раскачиваются в медленном и плавном ритме; парк шумит.

Над стеклянною гладью пруда наклонились лозины. Дремлют голубые затоны.

По пригорку за прудом рассыпались избы, зелеными платками разлетелись огороды.

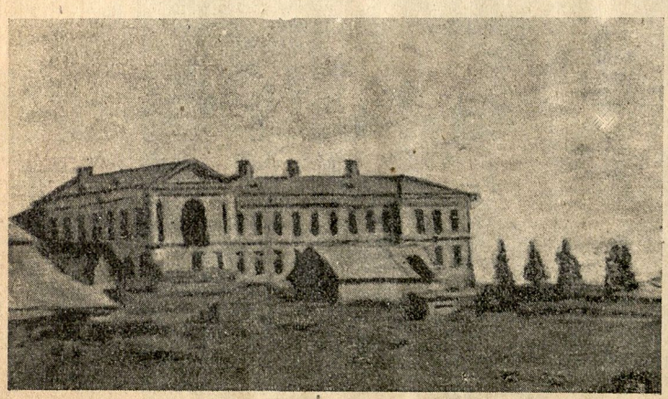
Новая Ясная.

Быстро, очень быстро, в Ясной Поляне вырастает новая Ясная.

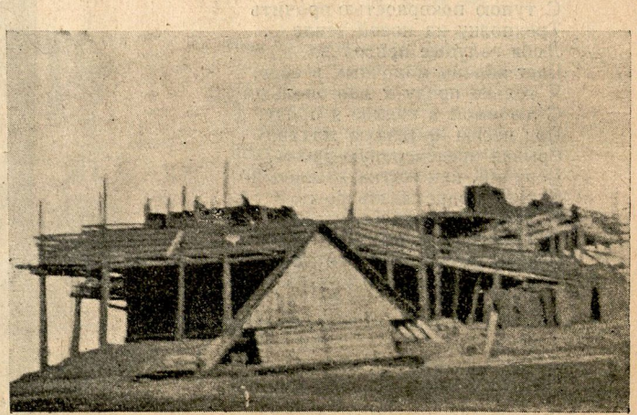
...Заканчивается постройка больницы. Еще опутана она лесами, а маляры уже «подчищают» внутри; плавно скользят по стенам кисти. Открытие больницы приурочивается к юбилею Льва Николаевича.

...Молоденькие ели и березки обступают здание новой школы, чистой, свежевыбеленной.

..«Пионер-дом». Это—гордость яснополянских крестьян. В нем живут сироты; все пионеры, все коммунары. Руководители комсомольцы.

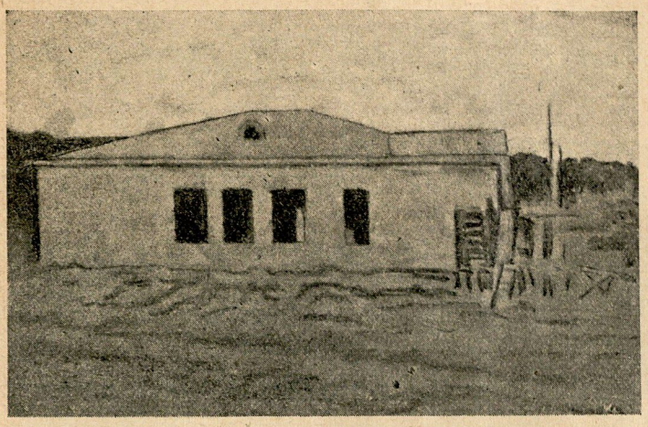
Школа 9-тилетка памяти Л. Н. Толстого.

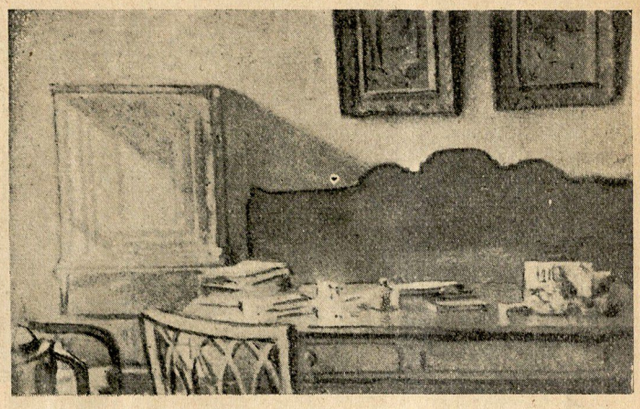
Дом для учительского коллектива.

ПОЛЯНЕ.

рождения Л. Н. Толстого).

Больница (операционная).

Восстановленная «Ремингтонная».

— Сами всякую работу делают,—рассказывает мне яснополянский комсомолец,—и по сапожному смекают, и по другим ремеслам. А в музыке—прямо спецы. Недаром их так часто в другие деревни приглашают:—Дайте, говорят, нам яснополянских музыкантов!

...— Электричество?— переспрашивает меня комсомолец,—да оно уже у нас давно.

Уже три года с Косой Горы бежит по серебряным струнам в яснополянские избы электрический ток...

На крыльце.

Сидим с крестьянами на скамейке, курим и разговариваем.

— Это факт,—говорит К-в,—факт. Мы тут сидим и со стороны не видим. Но мы чувствуем! И никак нельзя не чувствовать. Вот тебе Нардом...—он загибает коричневый от махорки палец раз. Вот тебе школа, учи своих ребят. Вот тебе детская площадка; ежели есть у тебя маленькие ребяты, то отдавай их туда...

Крестьяне слушают внимательно.

— Опять же и хозяйство,—берет меня за руку другой.— Было у нас трехполье; теперь восьмиполье. Молотилка электричеством работает, не фунт изюму!

Иван Викторыч—агроном наш—беседы читает и доклады, и все—по хозяйству. Только часто они у нас летают, агрономы-то. То один, то другой. Чисто странники. Необходимо прописать...

Косые солнечные лучи ложатся на дорогу. Синее и глубже небо. Где-то—наверное, у нардома—горланят частушки под гармоннику.

— Так... Вот еще кооператив-то наш видели? Как же есть. Сколько у нас в нем членов?

— Чтой- то много.—Семь десятых всех, иль поболе.

— Я и говорю. Кооператив хороший. Свою хлебопекарню имеем...

— Да, наша деревня шибко идет... И ежели какие из других губерний приезжают к Толстому, то, можно сказать, вроде как и гордишься перед ними. Гляди, мол, какая! Вот только РИК... Отпущены были деньги на проводку шоссе у нас, а он их куда-то ухлопал. А у нас дорога плохая, посмотри сам: дождь—грязь, солнце—пылища нескончаемая.

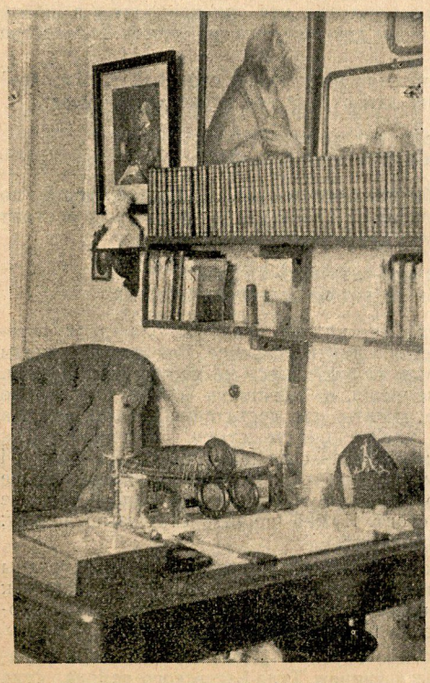
Сейчас злободневный вопрос в Ясной Поляне—организация сельско-хозяйственного коллектива.

— 40 человек уже вступили. Вот мы все и думаем, обмозговываем дело с разных концов. Обмозговка требуется.

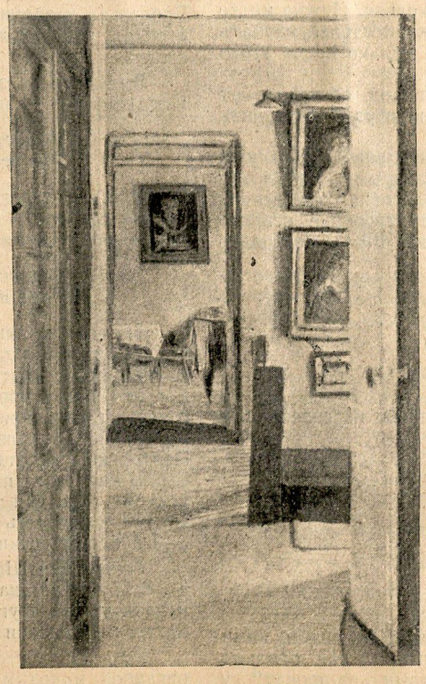
Много вопросом о коллективе, о его задачах и условиях работы в нем... Мы сидим уже долго, а разговор все идет и идет.

Новостей сейчас у яснополянцев много.

Ив. Костин.

Рабочий кабинет Толстого.

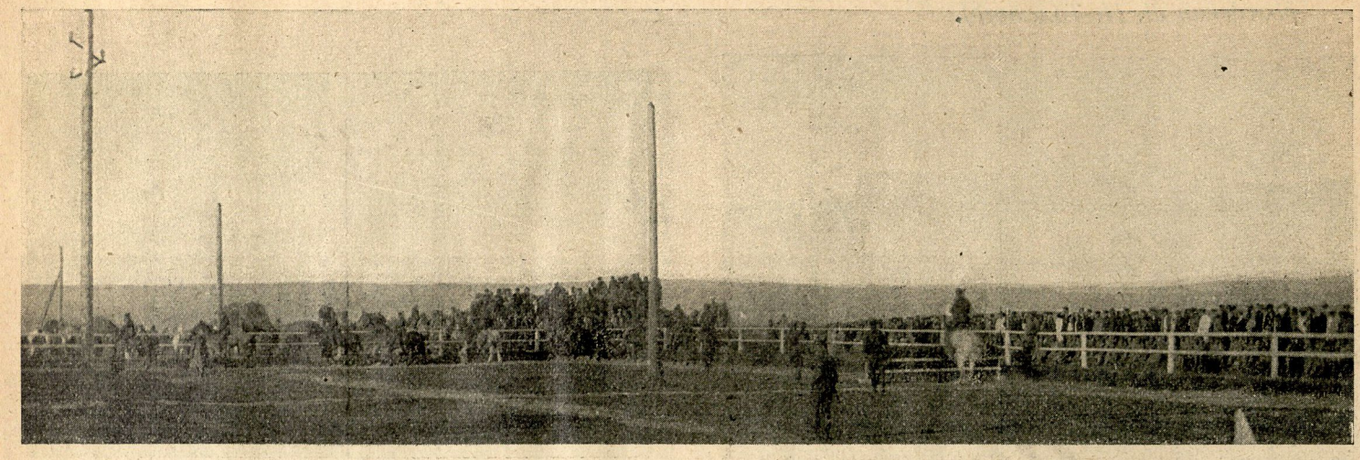

Библиотечная, картин. галлерея и вид на приемную.

«Дерево бедных».

В ЛАГЕРЯХ В ДЕНЬ

Взятие барьера.

Беседы с начинающим писателем.

«Тов. Редактор! Я посылаю вам свои стихи, которые по возможности используйте в журнале «Молот». Я хочу приучиться к литературной работе. К ней у меня большое влечение».

Таких писем, или похожих на них, в журнал «Молот», а также в редакции газет „Коммунар“ и „Деревенская Правда“ поступает бесчисленное множество. И к ним обычно прилагаются стихи. Стихи эти сплошь и рядом бывают слабы, не отделаны и, вполне понятно, ни под каким видом в печать не пригодны. Проходит время, стихи не напечатаны, авторы беспокоятся и снова продолжают бомбардировать редакцию сотнями запросов о судьбе своих творений. У редакций, в свою очередь, нет ни времени, ни людей для того, чтобы вести такого рода переписку. Учитывая все это, редакция журнала „Молот“ и решила отвести в своем журнале специальную страничку для разбора произведений начинающих писателей и поэтов.

Вводя этот отдел, редакция руководилась единственным желанием помочь начинающим авторам из рабочих и крестьян разобраться в их же собственных ошибках, которые они допустили (по незнанию, конечно) в их произведениях.

Первый товарищеский совет всем начинающим писателям из рабочих и крестьян—это запомнить раз навсегда, что без соответствующей литературной выучки писать нельзя. Нужно много лет учиться вообще и читать уже известных писателей, изучать их творчество и их писательские приемы и только после этого можно пробовать свои силы.

Если же писать не учась, как говорят „на обум“, то от такого писательства получится только один конфуз. Подтвердить это можно целым рядом примеров.

Возьмем для образца стихотворение рабочего завода „Красный Плуг“, т. Широкого, автора того письма, которым я начал эту беседу Стихотворение это озаглавлено „Делегатка“. За основу для него тов. Широков взял известное стихотворение старого поэта Майкова, под названием „19-е февраля“. Взяты не только размер, но даже и целые строки.

У Майкова сказано:

Посмотри, в избе мерцая
Светит огонек,
Возле девочки-малютки
Собрался кружок.

Широков это подогнал к нашему времени и переделал эти строки так:

Посмотри, в избе мерцая
Светит огонек,
Делегатка молодая
Собрала кружок.
Тут и старый, тут и малый
Все пришли, кто мог,
В этот вечер небывалый
Из своих „углов“.

Все эти восемь строчек хоть и плоховаты, но еще с ними можно было бы помириться, если бы они ни были так обильно перемешаны со словами, взятыми Широковым „на-прокат“ у Майкова.

Но вот, когда тов. Широков хочет сказать в стихах, что-нибудь от себя, то тут у него следует:

Бабы, девки все довольны,
Слушают, молчат,
Разве скажет кто тихонько:
„Раньше было вот не так“.

В чем тут дело? Чем ошибся тов. Широков? Да тем, что он сел писать стихи, не имея никакого понятия о стихотворном размере.

А это то же самое, что начать колоть дрова без топора или без колуна. Образец стихотворения, которое взял у Майкова за основу т. Широков, обязывал его строить строчки так, чтобы в первых из них приходилось по восемь, а во вторых по пять гласных букв. Кроме того, нужно было бы сделать так, чтобы ударения над гласными буквами в первых строчках повторились и в тех строчках, которые с ними рифмуются.

По-смо-три-в из-бе мер-ца-я
Де-ле-гат-ка мо-ло-да-я.

Сосчитайте здесь количество гласных: их будет восемь. Проверьте ударения, и вы увидите, что они приходятся в обеих строках, как раз друг перед другом через одинаковое количество слогов.

Выполнил ли это правило в последних строчках т. Широков? Нет, конечно. Разложим эти строки для проверки на слога:

Ба-бы, дев-ки все до-воль-ны
Раз-ве ска-жет кто ти-хонь-ко.

Здесь как будто бы все благозвучно, в каждой строчке по восьми гласных и ударения на своем месте. А вот, как обстоит дело с последними двумя строчками? Посмотрим:

Слу-ша-ют мол-чат—пять гласных
Рань-ше бы-ло вот не так—семь гласных.

Два слога лишних. Ну, вполне понятно, благодаря перегрузке гласными ломается здесь и ударение. Значит ни о каком правильном стихотворном размере здесь не может быть и речи. Все это очень простые вещи, но начинать нужно непременно с них. Нельзя, конечно, думать, что достаточно усвоить эти два маленькие правила, и уменье писать стихи уж приобретено. Повторяю, стихотворная наука—одна из труднейших наук И чтобы научиться правильно писать стихи, нужно гораздо больше времени, чем для того, чтобы научиться шить сапоги. Но все же голову вешать не стоит. Нужно помнить старую пословицу: „—Не боги горшки обжигают“.

Товарищем Широковым, кроме „Делегатки“ были присланы в „Молот“ еще два стихотворения, но они также не подошли к печати уж по другим недостаткам. Об этих недостатках и промахах мы указали уже на примерах других авторов.

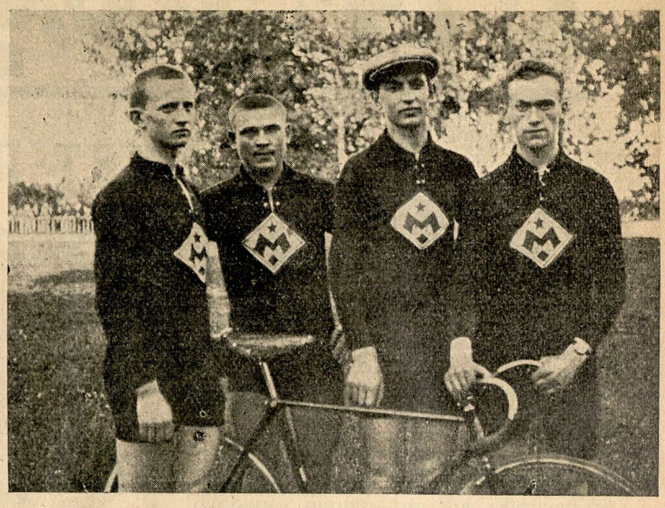
Возьмем другое стихотворение „Полевые просторы“, написанное молодым крестьянином Туло-Басовского района, села Маслова—И. Елизаровым.

СМЫЧКИ.

Вело-гонки в Туле.

В цепи.

Московская команда победителей—Кастелянский, Денисов, Ушаков, Куприянов.

У РАДИО.

Как только сумраки оденут
Дня одноцветного тоску
Я на двухструнную антенну
Ловлю далекую Москву.
Вот, вот знакомые всем песни,
В которых радостная новь;
Такою музыкой чудесной
Они волнуют мою кровь.
Я слышу песни полевые,
В них радость близкая живет,
Волна их звонкая впервые
Меня, волнуя, обдает.
Она со звоном, набегая,
Плеснет задорней и сильней
Родным обильем урожая,
Осенним запахом полей.
Я в песнях вижу: степи дремлют
И тихо шепчут камыши,
Я вижу новую деревню
Под песни городских машин.
Я вижу тихое раздолье.
А там, спокоен и красив,
Безбрежно ширится над полем
Зари малиновый разлив.
И в этот час веселый, милый
Мне стала близкой вся страна,
И душу радостью омыла
Веселой музыки волна.
Вот слышу в звуках поезд скорый,
И снова степь, болота хмарь,
Меня в зеленые просторы
Несет грохочущий «почтарь».
Запели радость по холмам
О рельсы звонкие колеса,—
И вижу я навстречу нам
Бегут зеленые откосы.
Последний раз у остановки
Пропел веселый паровоз,
О, сколько радости и ночи
В железной музыке колес!
Смотрю веселыми глазами,
И ночь той муз ки полна!
Вверху над тихими домами
Плывет зеленая луна.
И фонарем сигнальным виснет,
Как будто кто-то с давних пор
Для наших дней, для нашей жизни
Зажег высокий семафор.
Еще я вижу степи, пашни
Неуловимой мной красы,
Но вот в Москве, в Кремлевской башне
Пробили звонкие часы.

В. Вешняк.

Елизаров пишет уже давно, им написано не мало хороших стихотворений Некоторые из них были напечатаны. Однако вот стихотворение „Полевые просторы“ ему удалось плохо.

Например, он пишет:

За затихшею деревнею
Молча сумерки легли,
А мужик сохою древнею
Все взрывает грудь земли..

Как видите, с размером здесь все гладко. И гласных одинаковое количество, и ударения соблюдены. Но чего же недостает?

Недостает умелой обработки словесного материала. Возьмем хотя бы строчку „А мужик сохою древнею...“ Подходит к слову „соха“ определение „древняя“? Конечно, нет. „Древней“ может быть старуха, рукопись, часовня и ряд других существительных, к которым это определение подходяще. С сохою же оно как-то не дружит, не вяжется.

Все взрывает грудь земли.

В этой строчке слово „все“ притянуто за волосы, лишь для того, чтобы „натянуть“ лишний слог и соблюсти размер. „Грудь земли“ не хорошо уж потому, что старо, избито, затаскано.

Будем продолжать дальше:

Лошаденка словно пьяная
Полем медленно плелась,
А над спавшими бурьянами
Песня тихая лилась.

Можно было бы обойти смысловое значение этих строчек но читатель непременно задаст вопрос:—Почему тихая песня лилась только над бурьяна и?—Ведь, коли мужик пахал, то там была и пашня, а не одни бурьяны..

И вот тут-то т. Елизарову волей-неволей придется признаться, что словечко „бурьянами“, не вдумываясь в его смысл, он притащил за хвост лишь только затем, чтобы найти рифму к „пьяная“. В этом весь секрет. Очень и очень нехороши рифмы: „плелась“ и „лилась“. Такие рифмы называются „глагольными“, и современные хорошие поэты их избегают, а уж если иногда и употребляют, то по крайней необходимости.

В дальнейших строчках у Елизарова те же самые промахи.

На этом мы пока и закончим.

О промахах же и недостатках других поэтов, приславших нам свои произведения, мы поговорим в следующем номере.

Алексей Медведев.

Сатира и юмор

„НЕТ ПРАВДЫ".

НЕТ, дорогие граждане, как вы там ни говорите, пусть и советская власть и всемирный интернационал, а правды нет на земле и не будет. Я это на себе твердым фактом испытал и кому угодно докажу.

Конечно, политграмот разных я не изучал и через какой-нибудь там рабфакт или университет не проходил, но в жизненной политике и политической жизни—лучше любого профессора смекаю. А что эти самые профессора? По-моему они все из ума выжили. Зашел я как-то в наш клуб, гляжу там лекция. Народу тьма тьмущая, а профессор этот самый дуракам наворачивает.

— Земля, говорит, имеет ось и вокруг этой оси вертится.

Послушал я минут пять, да на улицу опять. Когда дошел до заднего выхода, остановился да на весь зал прямо и гаркнул:

— Ах, ты, говорю, а еще профессор, такими ненормальностями людям только мозги будоражишь. Где же это видано, чтоб земля вокруг оси вертелась? Что это, колесо, что ли? Да потом, какой плотник сделал эту ось-то!?

Публика эта, из интеллигентишков разных, защикала, заволновалась. А я хлопнул дверью, да и ушел от этой «брашки» к чертовой матери.

Иду это я, и такая мне досада на профессора разбирает.

— За что человек три целкаша в час огребает?!

От такого огорчения за понапрасную кражу народного достояния я от окна кооператива две ставни отодрал и мимоходом киоск опрокинул. Хотел даже какой-то интеллигентке по физии заехать, да милиционер близко случился.

Или вот: встретил как-то на-днях своего земляка Федьку Забродина. Когда мы с ним пацанами были, то вместе голубей гоняли. А теперь он по ученой части пошел,—в рабфакт поступил. Да что дураку учение?! Ходит с книжкой подмышкой, а одет хуже отерханца какого-нибудь. Я вот хоть про себя скажу. Чин у меня небольшой, младший (правда, иной раз приходится расписываться и за старшего), а у меня не как у Федьки: костюмчик новенький, галстук змеей и ботинки джимные. Любую девочку закорогодить могу.

А Федька что? Учится. А какой от этого толк? Учение-то заместо костюма не наденешь. Да и потом стервуга этот Федька большая. Встречается, как-то это мне на улице и говорит:—«Дай три рубля взаимообразно!» Деньги при мне были.—«На,—говорю». Прошло недели две. Я как-то вечерком ручки в брючки и отправляюсь на мой вечерний променаж. Думаю,—не подцеплю ли какую на крючек! Гляжу, идет наш Федька Забродин. Так важно вышагивает. Да не один, а с бабой. Сам все такой же отерханный, а баба у него прямо на ять. Платье маркизетовое, шляпа глазетовая, чулки фельдеперсовые и во всех членах у нее движение происходит.

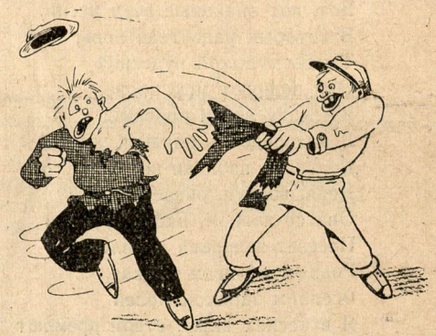
Поровнялись со мной, а Федька мне таким вежливым голосом:—»Здравствуй, Миша!» Разобрала тут меня на него досада, больше, чем на професора.—«Ах думаю, курва, у меня и костюмация и ботинки джимми, а я еще ни разу с такой бабой не крутил. А этот в бумажной гимнастерке, заплатанных штанах и вдруг такую подцепил. Не иначе, как на мои три рубля».

Не успел я подумать так, как в моей голове блеснула мысленная идея. —Сейчас осрамлю перед ней этого Федьку, стервугу.

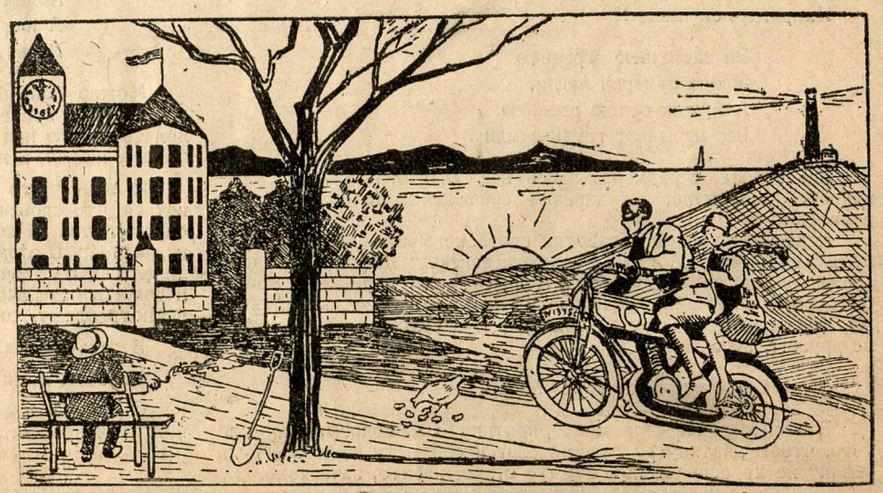
Повернулся на каблучках, да за ними. Догнал, да прямо цоп Федьку за вешалку. А сам деликатным голосом ему говорю:—«Ты когда, зануда, три рубля отдашь?» Федька рванулся, гимнастерка пополам. Одна половина у меня. другая на нем болтается. Баба его в визг ударилась.

Стащили меня в милицию, протокол составили, потом суд был, присудили к месяцу отсидки за хулиганство, да еще в добавок возместить Федьке убытки за порванную гимнастерку.

Вот они времена-то какие! Никакой тебе свободы личности нету. В Польше вон чужих полпредов уби-

вают и то ничего, а тут за свой собственный трояк и морды набить не смей. Нет как вы ни говорите... хоть у нас и советская власть, а нет правды на земле. **Алексей Медведев.**

Найдите несообразности в рисунке, которых в нем больше десяти.

СТРАНИЧКА ЗДОРОВЬЯ.

Что надо знать о витаминах?

В настоящее время изучение витаминов так сильно продвинулось вперед, что можно уже дать довольно точные определения содержания этих веществ в различного рода продуктах. Ученые открыли 5 групп витаминов:

А—группа, особенно важная для детей (способствует правильному росту их). Предохраняет глаза от очень опасного заболевания (ксерофтальмия), грозящего слепотой.

Б—предупреждает серьезные заболевания (бери-бери, полиневрит).

С—противуцынготный.

D—предупреждает рахит (английская болезнь): при этой болезни наблюдаются потливость, бледность, апатия, плохой аппетит; вздутие живота, неправильное окостенение, плохое формирование зубов.

Е—Способствует росту и размножению, но еще изучен мало. Повидимому, особенно важен в животноводстве.

Количество витаминов в продуктах оценивается цифрами 1, 2, 3, 4. 5. Единицей оцениваются продукты, в которых содержится самое ничтожное количество витаминов. Двойка—необходимо прибавление данного продукта в количестве 50 проц. к пищевыи продуктам. Тройка—достаточно прибавить 20 проц. этого продукта, четверка—5 проц. и пятерка показывает высшее содержание витаминов в продукте. Пропуск цифры в таблице показывает или отсутствие витаминов, или слабое изучение данной группы.

Содержание витаминов А, В, С, D, Е в различных продуктах:

	A	B	C	D
Апельсины и лимоны. . .	1	2	5	—
Бобы, горох, чечевица, кукуруза	2	3	1	—
Дрожжи пивные	—	5	5	—
Жир рыбий	4—5	—	—	5
Картофель, спаржа . . .	2	3	2	—
Капуста (сырая)	2	3	3	2
Мясо тощее, легкие, кровь.	0	1	0	—
Масло растительное . . .	1	0	0	0
Масло сливочное	4	2	2	2
Мука овсяная и кукурузная.	—	1	0	0
Морковь (сырая)	2—3	3	2	—
Молоко свежее	3	2	3	2
» кислое	1	2	3	0
» снятое	1	2	2	0
» сгущенное и сухое.	2	2	2	2
Овес и рис	1	2	0	0
Огурцы, редис, горошек зеленый, сельдерей. . . .	2	2	2	2
Орехи и мендаль	1	0	0	0
Помидоры сырые и шпинат.	3	3	4	2
Пшено	0	3	0	—
Почки, печень. мозги и молоко	3—2	3	3	2
Пшеница, рожь, ячмень. .	1	3	0	0
Рыба тощая, селедка. . .	2	—	0	0
Салат, тыква, артишоки, пастернак	2	2	2	2
Сливы. виноград, груши .	1	1	2	0
Сливки	3	1	1	2
Сыр	2	1	0	0
Свекла, щавель	1	1	1	—
Хлеб черный	—	2	0	0
» белый	0	0	0	0
Яблоки, земляника, малина.	1	2	2	0

А—в.

Лечись плодами и ягодами.

Ягоды и фрукты занимают в нашем питании слишком малое место, не соответствующее их питательности, прекрасным вкусовым свойствам и влиянию на пищеварение. Степень питательности фруктов и ягод видна из анализа их химического состава. Сахару они содержат (в круглых цифрах) от 7—15 проц. (больше в сливах), свободной кислоты 0,2—2,34 проц. (больше всего в бруснике), азотистых веществ до 1,3 проц. (больше всего в малине), воды 74—89 проц. (больше всего в бруснике). В сушеных фруктах, с уменьшением количества воды до 24—49 проц, процент сахара возрастает до 29—64 проц, обнаруживается жир—в количестве до 1,9 проц.—в яблоках. Содержание жиров особенно высоко в орехах: в грецких—48 проц., в волошских—62 проц., в миндале—53 проц. Кроме того, в плодах много ценных вкусовых ароматических веществ и, главное, они очень богаты витаминами.

Очень полезно в смысле сохранения витаминов есть их сырыми. Если исключить периоды желудочно-кишечных эпидемий (дизентерии, холеры, брюшного тифа), то потребление плодов, ягод и овощей в сыром виде можно признать очень желательным. Необходима, разумеется, чистота плодов, овощей и ягод. Избежать возможности заражения очень легко. Фрукты с тонкой кожицей, как яблоки, груши, абрикосы, персики и сливы, достаточно вымыть перед едой и ополоснуть водой, в крайнем случае—кипяченой. Ягоды, как черешни, вишни, смородину, крыжовник, чернику, бруснику и виноград—тоже следует предварительно ополоснуть раза два чистой водой. Нельзя мыть только малину, клубнику, землянику и ежевику с их тонкой и хрупкой оболочкой; в отношении их нужна во время эпидемии осторожность, да и вообще мятые ягоды этого рода есть не рекомендуется. Есть надо, хорошо разжевывая каждую ягоду, а не проглатывая их целиком. Фруктовый и виноградный сахар полнее усваивается организмом, чем обычный свекловичный сахар, а разного рода органические кислоты (яблочная, винная, янтарная, лимонная) ограничивают гнилостные процессы в кишечнике и благодаря этому, улучшают пищеварение. Поэтому обильное питание сырыми фруктами и ягодами оказывает весьма ценные услуги при малокровии, цынге, рахите, при ожирении, подагре и запорах.

Боязнь послабляющего действия фруктов и ягод преувеличена. Если в течение зимы не разнеживать кишечник вареной мясной и мучной пищей, а вводить в ежедн. пищу кислую капусту, соленые огурцы, то летом фрукты и ягоды не будут вызывать поносов.

Л. Василевский.

Растение, особенно необходимое детям.

Многие знают, что соли железа для человеческого организма необходимы, но не дают себе отчета, зачем нужно железо организму. Гемоглобин — красное вещество крови—состоит из глобина, гематина и железа. Эти вещества человек воспринимает, питаясь различными продуктами животного и растительного происхождения. Глобина и гематина в женском молоке вполне достаточно, но железа очень мало. Шестимесячный ребенок должен получать железа ежедневно около 2 миллиграммов, а в 1 литре женского молока содержится всего 0,55 миллиграмма железа, в коровьем молоке только 0,17 мг.

Чтобы пополнить недостающее количество железа, можно добавлять в пищу ребенка яйца: в желтке содержится 1,4 мг железа, в ложке мясного сока—0,2 мг, а в ложке вареного шпината—0,59 мг. Если принять во внимание, кроме того, богатство шпината витаминами,—значение этого овоща в детском питании возрастет еще больше.

Шпинат легко заготовлять в запас в виде пюре. Листья шпината с самым небольшим количеством воды ставят на огонь и варят шпинат до мягкости. Полученную массу протирают сквозь сито и снова варят, пока масса немного не загустеет. Такую загустевшую массу складывают в бутылки и хорошо закупоривают. После варки, конечно, количество витаминов значительно сократится.

Мы обращаем особое внимание читателей на кормление детей шпинатом. Да и не одним детям полезен шпинат: в шпинате содержится, кроме железа, много белка: в свежем шпинате содержится белка 3,71 проц., а в высушенном 31,5 проц. Насколько велико процентное содержание белковых веществ в шпинате видно из того, что в пшеничной муке белковых вешеств только 12,2 проц., а в высушенном мясе 70,2 проц, а ведь мясо считается наиболее богатым белковыми веществами.

П. Кнох.

Первая помощь при поражении молнией.

Во время грозы для предохранения от удара молнии надо принимать следующие предохранительные мероприятия: нельзя стоять около металлических предметов; нельзя стоять во время грозы под деревьями—в них очень часто ударяет молния, не следует прятаться во время молнии в лесу—лучше всего выйти на поляну и лечь на землю.

Если молния «оглушила» человека, необходимо немедленно приступить к искусственному дыханию. Кроме того, очень рекомендуется растирание лица, висков и груди водкой, .применение обычных возбуждающих веществ, обливание лица холодной водой, обертывание в мокрые простыни.

Чтобы срезанные цветы дольше не вяли

надо поставить их в воду и под водой срезать кончики стеблей острыми ножницами или ножом. Воду можно менять через день, но чтобы вода не портилась, надо положить в воду несколько штук углей. Меняя воду, ее надо сливать так, чтобы концы стеблей растений остались в воде и не высовывались бы на воздух. Как только будет замечено, что цветы начинают вянуть—надо под водой, не вынимая концов стеблей на воздух, острым ножом или ножницами, срезать концы стеблей на 2—3 сантиметра. Советуют, кроме того, сделать еще так: чтобы оживить цветы, начавшие вянуть, нужно погрузить стебли их на треть длины в кипящую воду. Цветы на глазах заметно оживут,—тогда срезать ножом обваренные части стеблей и поставить в холодную воду.

Издатель—газета „Коммунар".

Редакционная коллегия { М. Колябская, С. Корнев, С. Дмитриев, А. Медведев, В. Старцев.

Гублит № 799. Типография Тулпечати—Тула, ул. Коммунаров, 42. Зак. № 3338 Тираж — 5000 экз.

ТУРИЗМ—

Рис. К, Р.

— доступен каждому.